

Фундаментальная наука является отнюдь не дорогим украшением, а чрезвычайно важной составляющей национальной безопасности, государственной независимости страны

280 лет Российской Академии Наук

60 лет Западно-Сибирскому филиалу Академии Наук

Вячеслав МОЛОДИН
Владимир ЛАМИН

МОЛОДИН Вячеслав Иванович — действительный член РАН, первый заместитель председателя СО РАН, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, лауреат Международной премии А. П. Карпинского, член-корреспондент Германского археологического института

ЛАМИН Владимир Александрович — доктор исторических наук, директор Института истории в составе Объединенного института истории, филологии, философии СО РАН, специалист в области истории социально-экономического развития России и Сибири, автор и соавтор более 100 научных работ, в том числе 6 монографий

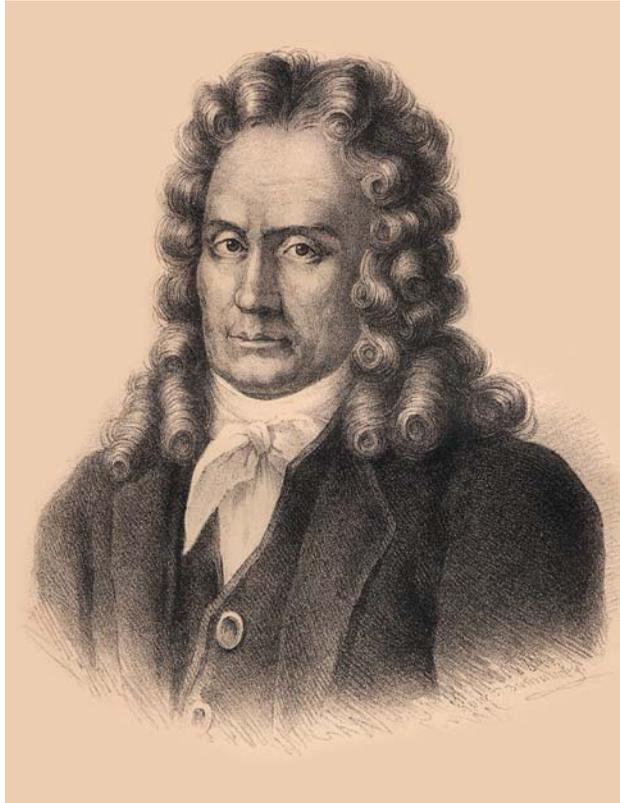
НАУКА и СИБИРЬ

от Петра I до века 21-го

Лучший способ увидеть, что будет, — припомнить, что было.

*Маркиз Галифакс Джордж Сэвил (1633–1695)
известный английский политик, писатель*

Юбилеи — это не только и не столько повод для официальных празднеств. Юбилеи — скорее, повод обратиться к итогам прошлого, задуматься о будущем. В этом году исполнилось 280 лет Российской Академии наук и 60 — ее Западно-Сибирскому филиалу. Несомненно, что на протяжении последних почти трех сотен лет наука играла значительнейшую роль в российской жизни, во многом определяла и направляла ее. Бесспорно и то, что сибирская наука в начале двадцать первого века представляет собой явление не рядовое, чему есть прямое подтверждение — и сеть мощных научных центров в Сибири, и международное признание, которое неизменно получают разработки сибирских ученых. Пройден огромный путь. Но, обращаясь взглядом в прошлое, мы вдруг обнаруживаем основания, отличающие российскую науку в пору ее рождения и в настоящее время от организации науки в других европейских странах. Российская Академия наук вовсе не превратилась за время своего существования в нечто музейное, в некий исторический экспонат. Нет, ее деятельность по-прежнему актуальна. Скажем больше — нынешние споры, характерные для исторических периодов модернизации, удивительно напоминают споры, звучавшие в начале XVIII-го века. Снова речь идет о роли, которую должно играть государство в организации научной деятельности, о соотношении науки и образования, фундаментальной и прикладной науки, о положении ученого в обществе.

Л. Л. Блюментрост — первый президент Российской Академии Наук

Поэтому есть смысл обратиться к истокам отечественной науки, вспомнить, «как все начиналось», и попытаться пройти по наиболее значительным ступеням ее развития. Без этих ступеней она никогда бы не поднялась на ту высоту, на которой — при всех оговорках — она пребывает сейчас, что прямо подтверждает реальный статус российского ученого в современном международном научном сообществе.

Датой основания Академии наук в России считается 28 января (8 февраля по новому стилю) 1724 г., когда Петр I издал Указ «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга», — спустя шесть дней после того, как правительствующий Сенат Российской империи одобрил его проект о создании Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Проект, вобравший в себя любимые мысли императора и доработанный им, был составлен лейб-медиком Л. Л. Блюментростом, который и стал первым президентом Академии.

Идея Петра о создании Академии нередко представляется как некое озарение, внезапно пришедшее на ум императору под занавес жизни. На самом деле это не так. Процесс осознания Петром необходимости учреждения Академии наук был длительным и весьма мучительным, но в то же время глубоко продуманным. Его можно назвать (не забывая, что это было последнее практическое государственное дело Петра I) венцом проводимого им тотального реформирования Российского государства.

Петр, на которого желали и желают быть похожими многие отечественные государственные деятели, отлично понимал, что подобострастно заискивать перед Западом — значит обрекать страну на вечную зависимость. «Не все же брать готовые плоды чужого знания, опыта, теории и техники, — заметил он в 1718 г., — жить чужим умом, подобно молодой птице в рот смотреть...».

Переписка с Г. В. Лейбницем помогла Петру увидеть, насколько зависит прогресс страны от качества национальной научной мысли. Другое дело, что не все советы Лейбница, касающиеся организации науки на пустом, в сущности, месте, его удовлетворяли. Еще во время своего знаменитого путешествия в Европу Петр наносит визит французским академиком. В Сорбонне царь посещает астронома Ж. Кассини, математика П. Вариньона, географа Ж. Делиля. С учеными он советовался о принципах построения невиданного в России учреждения — «Социетета художеств и наук». Речь шла о том, какой должна быть Академия, какую из реальных моделей, существовавших в то время, следует выбрать.

«Изучая природу прошедших времен, можно видеть пути, по которым пройдут судьбы мира, еще не открытые нам, но живущие в прошлом, как семя на земле».

У. Шекспир

Здание Петербургской Академии наук в Санкт-Петербурге

В результате было принято единственно правильное решение. По замыслу Петра I, Академии следовало сочетать научно-исследовательскую работу с подготовкой кадров.

Да, Петр был реформатором, но и прагматиком, великим «строителем». С момента своего создания главной задачей Академии являются все виды научно-технического обслуживания государства, направленные на его усиление и централизацию. Именно Академия стала основателем и проводником университетского образования в России. И очень неплохим проводником — ведь благодаря кропотливой и грамотной деятельности ее «отцов» она с первых лет своего существования ничем не уступала научным организациям других стран, а по ряду направлений научного поиска даже превосходила их.

Не забудем — термин «Академия» в XVII–XVIII веках обозначал вполне определенное идеологическое пространство. Здесь происходил энергичный разрыв с теологией, вырабатывались точные экспериментальные методы исследования, намечалась связь с практическими нуждами общества, формировалось профессиональное сообщество ученых. Петербургская Академия была детищем своего времени. Ее преимущества — мультидисциплинарность, т. е. включение в сферу деятельности ученых естественных и гуманитарных наук, твердый государственный бюджет, а также открывшаяся возможность работы на обширной территории, бывшей тогда для науки (да, пожалуй, и всего просвещенного мира) самым настоящим «белым пятном», — привлекли в Россию XVIII-го столетия лучшие умы Европы.

Эти ученые и их преемники (несмотря на трудности, которых хватало, — как объективного, так и субъективного характера) сыграли выдающуюся роль в становлении могущества Российского государства. «Нигде более, нежели у нас, одною из важнейших задач Академии должно быть исследование отдельных стран обширного нашего Отечества и изыскание сокрытых в них, без всякого сомнения, новых производственных сил и источников государственного богатства», — писал в середине XIX-го века всенепременный секретарь Академии А. Миддендорф.

Понятно, что без научного «броска на Восток» в этой ситуации было не обойтись. И здесь мы снова должны вспомнить имя великого преобразователя России. По Указу Петра I от 1696 г. (то есть задолго до организации Академии) Семен Ремезов составил «Чертежную книгу Сибири 1701 г.». Атлас Ремезова включал не только чертежи городов, направления главных путей сообщения, но и сведения о природных богатствах Сибири, местах обитания многих сибирских народов, исторические справки. По сути, это первая сибирская энциклопедия, знаменующая собой попытку (и небезуспешную) комплексного подхода к изучению Сибири. Эта работа была продолжена в 1720–1727 гг. — опять же по прямому заданию Петра — Д. Г. Мессершмидтом.

С созданием Академии изучение Сибири приняло по-настоящему масштабный и планомерный характер. Особенно впечатляет в этом отношении грандиознейшая Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743 гг.), возглавленная В. Берингом. Один из ее отрядов был «академическим» — им руководили академики Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. Свою статью о Сибири, опубликованную в академических ежемесячных сочинениях, Г. Ф. Миллер недвусмысленно назвал «Золотое дно». Огромные затраты на экспедицию, на которые не поспешили оправдать, с лихвой себя оправдали. По словам того же Миллера, «Сибирь, сия отдаленная земля, в рассуждение всех ее обстоятельств, учинилась известнее, нежели самая середина Немецкой земли тамошним жителям быть может...». Наверное, он слегка преувеличивал, но это было творческое преувеличение — в нем отразилось значение выполненных работ.

Johann Georg Gmelin
1709-1755

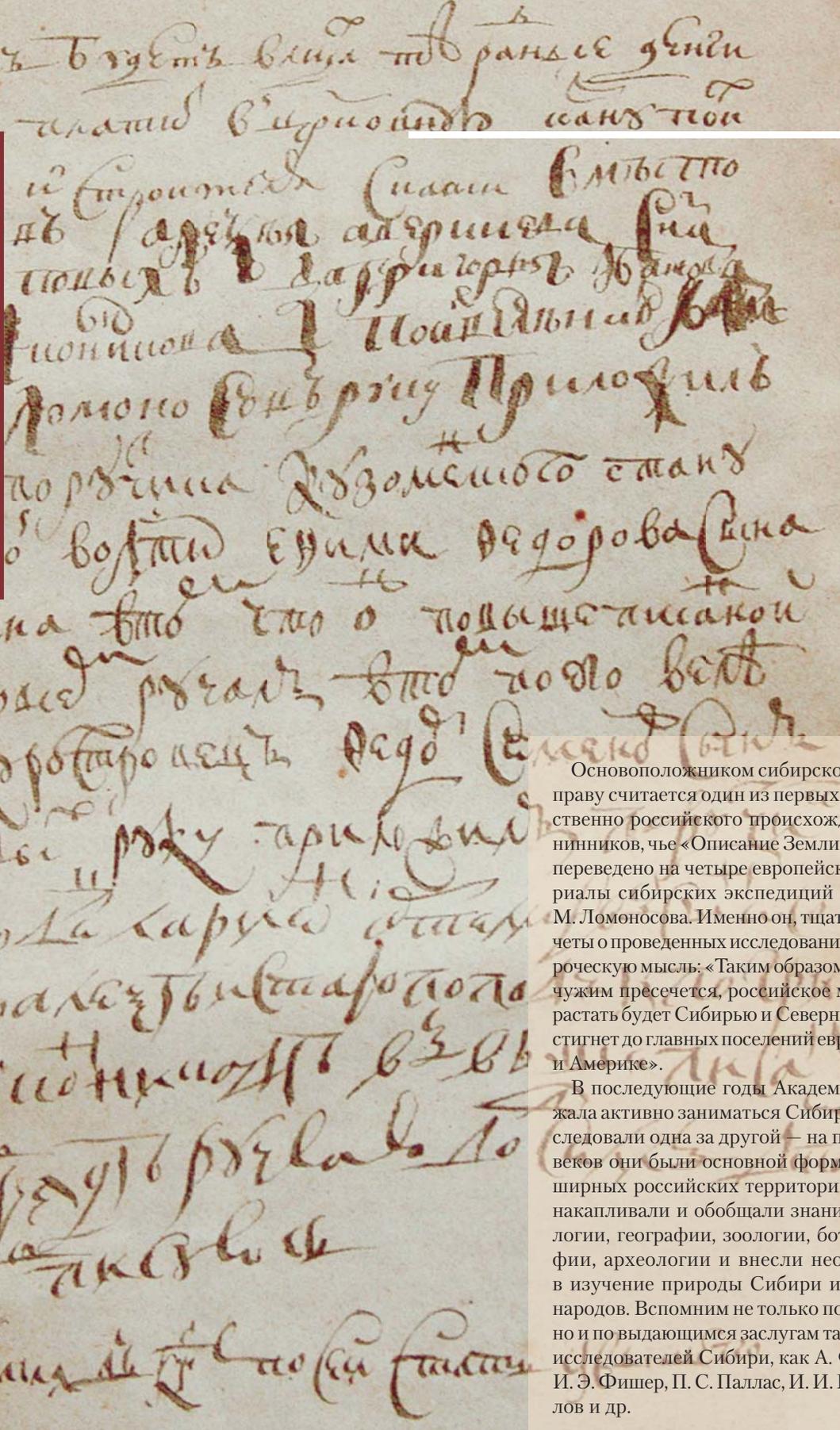
D. Johann Georg Gmelins,
der Chemie und Naturforschungs-Gesellschaft auf der hohen
Schule zu Zülbingen öffentlicher Lehrer,
Reise
durch
Sibirien!
in dem Jahr 1740 bis 1743.
Vierter Theil.
Mit Kupfern.

Die Königl. Reichs- auch Königl. Dobl. und
Churf. Sächs. allergnädigsten Privilegio.
Stuttgart
verlegt Abraham Wanderspecks fecit. MDCCLXXV.

Для своих посланников в «земли незнаемые» Академия наук разрабатывала подробнейшие инструкции и документы («напоминания», «записки», «наказы»), которые сейчас можно рассматривать как первые отечественные программы научного исследования регионов. Например, в инструкции «Об истории народов», написанной накануне Второй Камчатской экспедиции, внимание ученых-путешественников привлекалось, говоря современным языком, к вопросам генезиса, расселения народов Сибири, к их обычаям, нравам, обрядам, занятиям, религии, культуре. А фундаментальный труд Миллера «Описание Сибирского царства...» остается востребованным до настоящего времени — при этом собранные им материалы по истории, этнографии, археологии и т. д. (знаменитые «портфели» Миллера) настолько обширны, что до сих пор еще полностью не введены в научный оборот.

Титульный лист сочинения Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского царства...»

«Таким образом, путь и надежды чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке».

М. В. Ломоносов.

Из записки, представленной цесаревичу Павлу Петровичу, президенту Адмиралтейской коллегии, «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763 г.)

Основоположником сибирской этнографии по праву считается один из первых академиков собственно российского происхождения С. Крашенинников, чье «Описание Земли Камчатки» было переведено на четыре европейских языка. Материалы сибирских экспедиций очень занимали М. Ломоносова. Именно он, тщательно изучив отчеты о проведенных исследованиях, высказал пророческую мысль: «Таким образом, путь и надежды чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке».

В последующие годы Академия наук продолжала активно заниматься Сибирью. Экспедиции следовали одна за другой — на протяжении двух веков они были основной формой изучения обширных российских территорий. Их участники накапливали и обобщали знания в области геологии, географии, зоологии, ботаники, этнографии, археологии и внесли неоценимый вклад в изучение природы Сибири и населяющих ее народов. Вспомним не только по случаю юбилея, но и по выдающимся заслугам таких крупнейших исследователей Сибири, как А. Ф. Миддендорф, И. Э. Фишер, П. С. Паллас, И. И. Георги, В. В. Радлов и др.

Здание Томского университета

Существенно, что их работа во многом не устарела и вполне перекликается с дерзаниями современной науки. Так, академик Фишер в своей «Сибирской Истории», проанализировав языки коренных народов Сибири, выдвинул идею о южной прародине самодийцев. И эта идея приобретает сегодня новое звучание в результате мультидисциплинарных исследований сибирских археологов, генетиков и антропологов.

Во второй половине XIX-го века — в связи с ростом населения Сибири и масштабов ее освоения (как и предсказывал Ломоносов) — возникла настоятельная потребность в формировании исследовательских учреждений в самом регионе. Первыми «точками рождения» научного потенциала Сибири и Дальнего Востока стали университеты — Томский (основан в 1880 г.), Иркутский (1918), Дальневосточный (1920). Открытие Томского университета состоялось благодаря переезду в Сибирь известных ученых — профессоров из Санкт-Петербурга и других городов Европейской России. Именно они стали своеобразными фундаторами роста научных кадров на периферии. Ярким примером тому является деятельность в Томске выпускника Санкт-Петербургского университета профессора В. Д. Кузнецова. Он приехал в Томск в 1911 г. и сыграл исключительную роль в становлении и развитии физической науки, создав в 1920-х гг. Сибирский физико-технический институт.

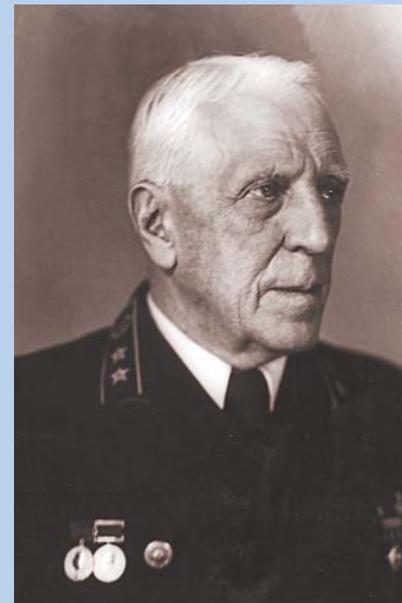
В. В. Ревердатто со студентами в гербарии

Заслуженный деятель науки, профессор Виктор Владимирович Ревердатто один из инициаторов создания Западно-Сибирского филиала АН СССР, организатор и первый директор Медико-биологического института (1944—1952 гг.), был крупным ученым-исследователем, работавшим в области флористики, геоботаники, изучения лекарственных растений. В. В. Ревердатто внес большой вклад в изучение флоры, растительности и растительных ресурсов Сибири, положил начало дробному геоботаническому районированию и картографированию растительного покрова.

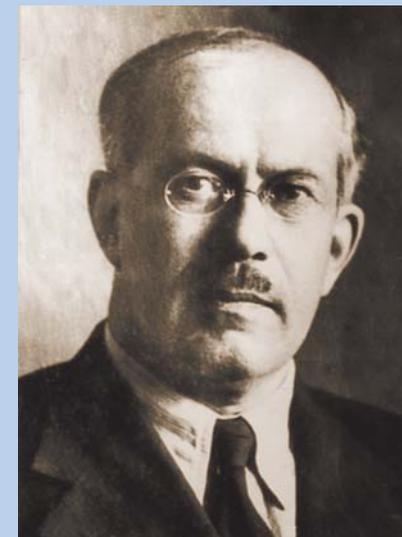
Октябрьская революция и установление в России нового политического режима повлекли за собой реформирование академической науки (как, впрочем, и всей российской жизни). Это был весьма противоречивый, драматический процесс. Идеологическая ломка сама по себе очень болезненна, но ситуация усугублялась еще и материальными трудностями, порожденными двумя разрушительными войнами и иностранной интервенцией.

Идеологические гонения на Академию наук и ученых, как представителей враждебного прошлого, начались сразу же после установления в стране Советской власти. Насколько эти гонения были обоснованы в каждом конкретном случае — вопрос непростой. Немалую роль играла эйфория победивших революционных масс. Определенная агрессия, имевшая место с их стороны, провоцировалась и усугублялась тем, что значительная часть ученых не приняла новую власть. Противостояние было обоюдным, а неприятие — взаимным. До 1923 г. перевес был на стороне новой власти. Это и немудрено — все рычаги управления и принуждения находились в ее руках. Но за российскую науку, за ее Академию вступилась практически вся мировая научная общественность.

Трудно определить, насколько действенным оказалось западное заступничество, однако как бы то ни было, мы имеем дело с фактом — уже к 200-летию Академии наук, в 1924 г., отношение Советской власти к науке изменилось коренным образом. Советское руководство осознало, что без науки прогресс страны невозможен. К рубежу 1920–1930-х гг. это убеждение превратилось в непоколебимую позицию. Этой эволюции, несомненно, способствовало внешнеполитическое положение государства, при котором рассчитывать на заимствование «чужих» технических новшеств не приходилось. Советские лидеры усвоили непреложную истину, что фундаментальная наука является тем, без чего армия останется без современных вооружений, то есть превратится, попросту, в «пушечное мясо». Наука оказалась чрезвычайно важной составляющей национальной безопасности. Наука вернула прежний престиж, а научный работник — прежнее достойное положение в социальной структуре общества.

Академик А. А. Скочинский

Доцент Г. В. Малкин

Профессор К. Н. Шмаргунов

Президиум Западно-Сибирского филиала АН СССР 1944 года

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. драматично, но реально подтвердила указанные выводы. Послевоенный период, несмотря на руины, в которых находилась половина страны, примечателен постоянно высоким вниманием к насущным проблемам и перспективным направлениям роста научного потенциала. На науку денег не жалели, и наука отвечала на такое внимание впечатляющими результатами.

Все это самым прямым образом отражалось на деятельности Академии наук и в Сибири.

Сдвиги в размещении производительных сил, начавшиеся в 20-е годы, крупные народнохозяйственные проекты (типа Урало-Кузбасского) потребовали резкого увеличения масштабов изучения Сибири. Местные власти все сильнее ощущали потребность в помощи ученых, а ученые — в координации своей деятельности.

В 1930 г. Академия наук организовала постоянную комиссию по изучению Сибири во главе с академиком

А. Е. Ферсманом. Комиссия обосновала необходимость создания в регионах научно-исследовательских станций АН с перспективой перерастания их в более крупные учреждения. В 1932 г. в Свердловске и Новосибирске состоялась выездная сессия Академии наук, на которой рассматривались проблемы развития Урало-Кузбасса. Именно тогда впервые прозвучало предложение организовать филиал Академии наук в Новосибирске. Однако намеченные планы «повисли в воздухе», поскольку для их осуществления не удалось найти необходимые средства и, главное, привлечь квалифицированные кадры из ведущих научных центров страны.

Ситуация повторилась в 1936 г., когда на заседании Президиума Академии наук академик И. П. Бардин вновь поставил этот вопрос. Свои предложения ученый обосновывал тем, что ведомственные институты не выходят за рамки узкоотраслевых задач, между тем как на востоке страны назрела острая

необходимость в комплексных исследованиях, охватывающих проблемы развития производительных сил региона. Академику ответили, что в данное время разговор, в лучшем случае, может идти лишь об организации научно-исследовательской базы.

Начавшаяся война сильно изменила довоенные планы. В первые ее дни Президиум Академии наук обязал все академические учреждения перестроить тематику НИР с учетом оборонных нужд и ускорить завершение исследований, результаты которых можно было немедленно применить в военных целях. Резко возросла социальная роль ученых и специалистов — их разработки отчасти компенсировали политические и военные просчеты. Это касалось, впрочем, не только ученых — война заставила положиться на знания и умения профессионалов во всех сферах жизни.

Академик И. П. Бардин

В тяжелейших условиях военного времени родилось новое отношение к восточным регионам СССР — именно они, после потери западных территорий и размещения здесь огромного количества эвакуированных промышленных предприятий, определяли экономическую мощь страны и ее способность эффективно противостоять могучему противнику.

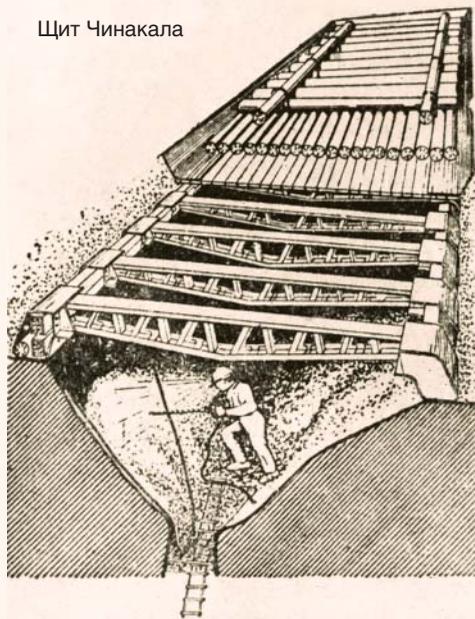
Работы по изучению и рациональному использованию сырьевых ресурсов восточных районов выполняли комплексные региональные комиссии АН СССР. Среди них особое место занимала Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны во главе с академиком В. Л. Комаровым, в то время президентом АН СССР.

Деятельность комиссии дополняли Комитеты, созданные по инициативе самих ученых. Один из первых Комитетов возник в Томске в июне 1941 г. В Новосибирске с инициативой создания Комитета в начале 1942 г. выступила группа эвакуированных ученых ЦАГИ во главе с академиком С. А. Чаплыгиным. Новосибирский Комитет ученых объединял

до 900 научных работников НИУ и вузов города. Сибирский научно-исследовательский институт авиации (СибНИА) — выдающийся практический результат деятельности академика С. А. Чаплыгина в Новосибирске.

Чем только не приходилось заниматься представителям Комиссии! Приведем лишь один яркий пример. Летом 1942 г. выяснилось, что темпы добычи угля в Кузбассе слишком малы для возросших потребностей оборонной промышленности. В Прокопьевск прибыл временный научный коллектив (тогда он назывался бригадой). Обследование шахт показало, что добычу угля можно увеличить на 50 %. Для этого был широко использован новый способ щитовой добычи угля, созданный и опробованный еще до войны профессором Н. А. Чинакалом. В результате удалось без закладки новых шахт добывать угля в 4–5 раз больше, чем при старых технологиях.

Щит Чинакала

Профессор Н. А. Чинакал

Война — при всей централизации государственного управления — раскрепостила инициативу на местах. Этому во многом обязан своим появлением Западно-Сибирский филиал АН СССР. Время его рождения вряд ли можно назвать благоприятным для этого. В 1943 году война против фашистской Германии уже вошла в самый тяжелый и кровопролитный период. Трудно было надеяться, что предложение, прозвучавшее из далекой от фронта Сибири, будет услышано и тем более поддержано центром. До того ли?! И тем не менее, чудо произошло — Западно-Сибирский филиал АН был создан!

Здание Западно-Сибирского филиала АН СССР после реконструкции 1944—1947 гг.

21 октября 1943 г. Совет Народных Комиссаров СССР постановил:

«1. Разрешить Президиуму АН СССР организовать в 1943 г. в Новосибирске Западно-Сибирский филиал АН СССР в составе:

- а) Горно-геологического института;**
- б) Химико-металлургического института;**
- в) Транспортно-энергетического института;**
- г) Медико-биологического института.**

2. Обязать Новосибирский облисполком предоставить Западно-Сибирскому филиалу АН СССР производственные и жилые помещения.»

Но в действительности это было не чудо, а ответственная и профессиональная работа тех, кто тогда руководил страной и понимал, что сложившаяся ситуация требует быстрых и решительных действий. Во-первых, резко возросший экономический потенциал Западной Сибири нуждался в соответствующем научном обеспечении, и этот фактор больше нельзя было игнорировать. Во-вторых, в годы войны произошло перемещение на восток страны не только промышленности, но и науки. В Сибирь переехали крупные научные учреждения и ученые, лидеры научных школ и направлений. Они продолжали здесь свою деятельность, что потребовало соответствующего материально-технического, финансового и кадрового обеспечения исследований. Впоследствии процесс реэвакуации затронул науку гораздо больше, чем индустрию. Но, с одной стороны, уехали далеко не все ученые, а с другой — в регионе остались кадры, подготовленные из местных специалистов, сохранился опыт, материальные и организационные контуры «большой» науки. Как говорил академик В. Л. Комаров в сентябре 1943 г.: «Временная эвакуация учреждений Академии наук СССР на Восток подняла новые пласты культурных сил нашей Родины на уровень задач Академии наук». Образно, но весьма точно.

Для решения организационных проблем нового филиала Президиум Академии наук назначил комиссию во главе с академиком А. А. Скочинским. Руководителем филиала не случайно стал Александр Александрович Скочинский. Сам сибиряк, крупнейший специалист в области горного дела, он прекрасно осознавал громадные возможности и перспективы Сибири. В течение

первых пяти лет он руководил филиалом, отдавая ему все свои знания и организаторский опыт.

Новый филиал представлял собой комплексное учреждение с региональной ориентацией исследований. Сфера его влияния охватила Алтайский и Красноярский края, а также Кемеровскую, Новосибирскую, Омскую, Томскую, Тюменскую области и Туву. Коллектив ЗСФАН формировался, главным образом, за счет кадров сибирских (в массе своей, томских) научно-исследовательских учреждений и вузов. Исключение составил Химико-металлургический институт, которому была передана Новосибирская комплексная химическая лаборатория. Одной из самых характерных особенностей первых лет деятельности филиала был высокий процент совместителей. В октябре 1944 г. в филиале работали 130 человек, из них 89 штатных и 41 совместитель. Памятуя, что «кадры решают все», этой проблемой занимались неустанно. Уже в январе 1945 г. филиал инициировал проведение первой в Новосибирске конференции молодых ученых. В работе конференции приняли участие более 300 человек из вузов, отраслевых и академических НИИ, в том числе немало студентов, которые впоследствии связали свою жизнь с наукой.

За 15 лет своей деятельности ЗСФАН вырос в одно из крупнейших академических учреждений страны. В 1957 г. в его составе работало шесть институтов (горного дела, геологии, химико-металлургический, биологический, транспортно-энергетический,

Академик М. А. Лаврентьев, председатель СО АН СССР в 1957—1975 гг.

радиофизики и электроники), два отдела (экономических исследований и механизации сельского хозяйства) и Ботанический сад. Порядку научных направлений филиал стал координирующим центром не только Западной Сибири, но и всей страны.

И в этом огромная заслуга тех, кто руководил филиалом. Как и в том, что в 1957 г. М. А. Лаврентьев решил остановить свой выбор на Новосибирске как центре будущего Сибирского отделения Академии наук. Академик А. А. Трофимук в своих мемуарах вспоминает, что, когда решался вопрос, куда «посадить» новый научный центр, академики М. Лаврентьев и С. Христианович посетили несколько сибирских городов. В Томске и Иркутске их встретили

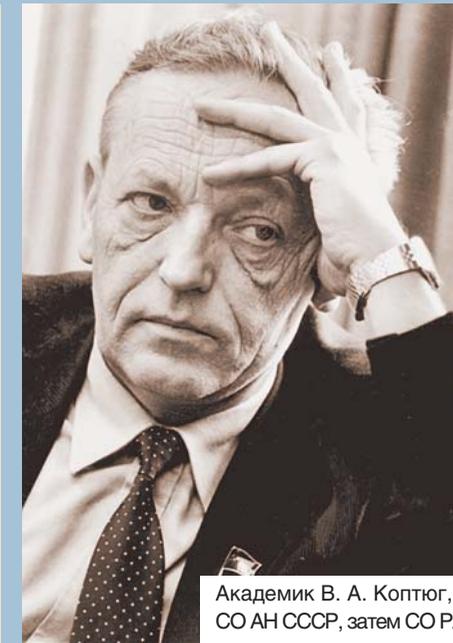
неприветливо, и в Новосибирск они приехали, уже готовясь к очередному нелегкому разговору. Но здесь, вопреки ожиданиям, их встретил радужный прием руководителя ЗСФАН Т. Ф. Горбачева. Он поддержал их начинание и пообещал всю необходимую помощь. В Новосибирске москвичей даже поторапливали с реализацией их идеи. Западно-Сибирский филиал вскоре был упразднен как организационная структура, поскольку все институты филиала вошли в состав Сибирского отделения АН СССР.

Говоря об основателе и первом Председателе Сибирского отделения АН СССР Михаиле Алексеевиче Лаврентьеве, невозможно не вспомнить знаменитый «треугольник Лаврентьева», и сегодня остающийся основополагающим для Сибирского отделения. Еще раз напомним его главные принципы: а) комплексность (мультидисциплинарность) научных исследований; б) интеграция науки и образования, многоуровневая (начиная со школы) система отбора, подготовки и воспроизводства кадров высшей квалификации; в) активное содействие реализации научных достижений, разнообразие форм связи с производством.

Вот что на сей счет на закате своей жизни говорил сам легендарный академик: «Когда меня спрашивают, от чего, на мой взгляд, зависит будущее Сибирского отделения, я отвечаю: от того, насколько удастся удержать гармоническое триединство „наука — кадры — производство“. Преобладание любого из этих начал приведет к застою и регрессу. Эта гармония не есть рецепт изготовления вкусного блюда, когда известно точно количество каждого компонента. Она должна быть плодом коллективных усилий ученых с участием руководящих работников промышленности и органов власти. Время будет вносить определенные коррективы, но принципы, доказавшие свою плодотворность, должны еще поработать и после нас».

Авторы благодарят к.и.н. Н.А. Куперштох за помощь в подготовке материалов статьи

Редакция журнала благодарит Отдел редких книг ГПНТБ СО РАН за предоставленные материалы

Академик В. А. Коптюг, председатель СО АН СССР, затем СО РАН в 1980—1997 гг.

И эти слова снова возвращают нас к самому истоку Академии наук, к тем принципам, на которых она некогда создавалась. Сохраняя верность этим принципам, российская наука достигала в своей истории невиданных высот. В катастрофические же времена ломок, когда некоторым ретивым революционерам хотелось начать все с чистого листа или бездумно подражать чужому и совершенно неорганичному опыту, наука впадала в депрессию, и все это, в конечном счете, оборачивалось невосполнимыми потерями для страны. О прошлом забывать нельзя, оно мстит за это. В последние пятнадцать лет все мы были свидетелями попыток разрушить сложившуюся в России организацию академической науки. Но события последнего времени внушают осторожный оптимизм. Кажется, государство обращается к науке лицом, понимая, что без нее оно само не выживет. Приметы этого процесса можно долго перечислять. Для нас же в Сибирском отделении важно то, что лаврентьевский «треугольник» продолжает активно работать!

И, наверное, сегодня уместно вспомнить слова другого, не чужого Сибирскому отделению Академии наук человека, много сделавшего для его сохранения и перспективного развития. Мы имеем в виду академика В. А. Коптюга. А он, не страшась пафоса, утверждал: «Наука спасет человечество!»

Председатель Президиума Западно-Сибирского филиала АН СССР (апрель 1954 г. — декабрь 1958 г.) Герой труда, кандидат технических наук Т. Ф. Горбачев

